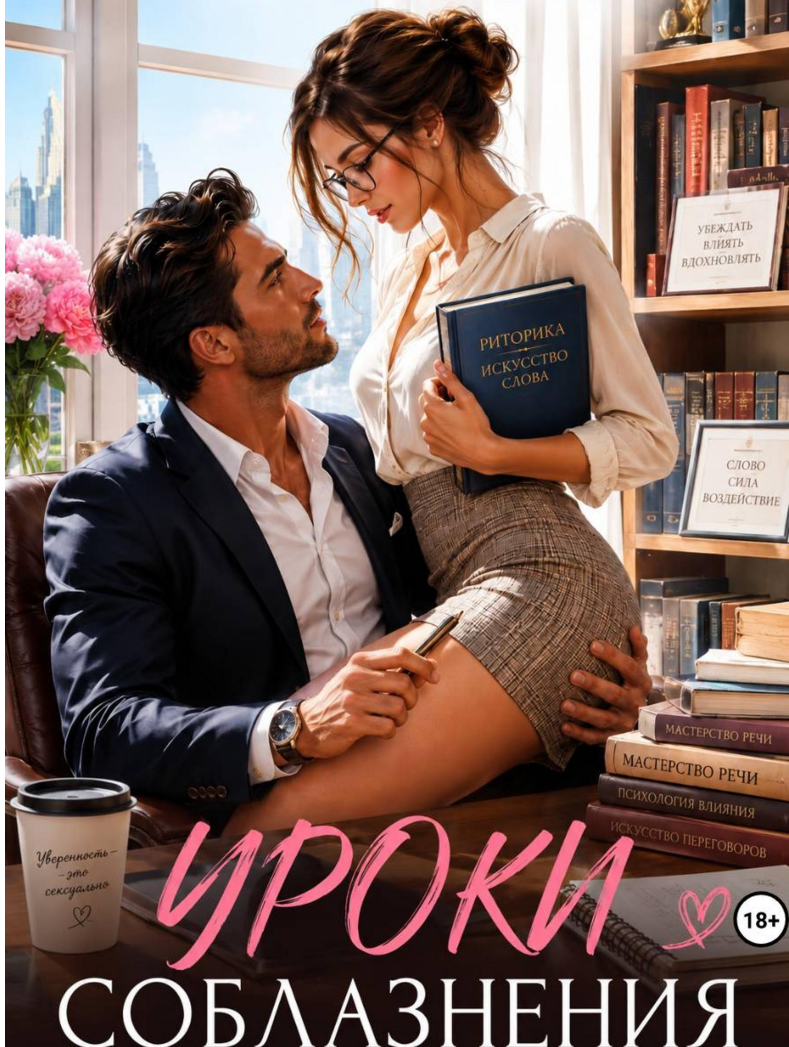

МИЯ ГРЭЙ

УБЕЖДАТЬ
ВЛИЯТЬ
ВДОХНОВЛЯТЬ

СЛОВО
СИЛА
ВОЗДЕЙСТВИЕ

МАСТЕРСТВО РЕЧИ

МАСТЕРСТВО РЕЧИ

ПСИХОЛОГИЯ ВЛИЯНИЯ

ИСКУССТВО ПЕРЕГОВОРОВ

Уверенность —
это
сексуально
♡

УРОКИ

СОБЛАЗНЕНИЯ

18+

Мия Грэй

Уроки соблазнения

<https://litres.ru/74295707>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — преподаватель риторики. Он — адвокат, нанявший её для занятий. Вместо правил речи он учит её искусству соблазнения. Но кто из них на самом деле ученик, а кто — учитель? Когда каждый урок становится игрой без правил, вопрос лишь в том, кто сдастся первым.

Содержание

Глава 1. Теория вопроса	4
Глава 2. Резонанс	11
Глава 3. Точка опоры	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Мия Грэй

Уроки соблазнения

Глава 1. Теория вопроса

Она стояла у окна его кабинета и смотрела на город, который, казалось, был вырезан из стекла и стали. Огни небоскребов уже начинали зажигаться, пробивая сгущающиеся сумерки, и в этом холодном электрическом свете Екатерины чувствовала себя неуютно, словно заблудившийся зверек, случайно попавший в чужую, слишком стерильную клетку.

Кабинет Дмитрия Чернова был безупречен. Идеально ровные стопки папок, ни одной лишней бумаги на столе из темного дерева, кожаные кресла, пахнущие дорогим табаком и чем-то еще, неуловимым и мужским. Здесь все кричало о власти, о том, что хозяин этого пространства привык управлять людьми, словами, ситуациями. Катя поправила ворот скромной блузки и одернула длинную юбку, которая, как ей казалось, была ее боевой броней. Сейчас, в этом аду дорогих вещей, она чувствовала себя не преподавателем литературы и риторики, а наивной провинциалкой, пришедшей просить милостыню.

Звук открывающейся двери заставил ее вздрогнуть. Она обернулась и замерла. Дмитрий Чернов оказался именно та-

ким, каким она его представляла, но в миллион раз более реальным, а оттого более пугающим. Высокий, широкоплечий, в безупречно сидящем темно-синем костюме. Его лицо было вылеплено резкими, четкими линиями: волевой подбородок, немного жесткие скулы и глаза — темные, почти черные, с цепким, изучающим взглядом, от которого у Кати перехватило дыхание. Он не улыбнулся. Он просто смотрел на нее так, будто читал раскрытую книгу.

— Екатерина? — его голос оказался низким, с бархатистой хрипотцой. — Прошу прощения за ожидание. Заседание затянулось.

Он говорил вежливо, но в его тоне чувствовалась та самая привычная властность, которая, казалось, пропитывала здесь каждый сантиметр воздуха. Катя кивнула, чувствуя, как пересохло в горле. Она приготовила речь, план занятий, подобрала упражнения. Она была готова к адвокату, который хочет улучшить навыки публичных выступлений. Она не была готова к нему.

— Я принесла программу, — начала она, стараясь, чтобы голос звучал тверже. — Риторика — это не просто красивые слова. Это структура, логика, умение управлять вниманием. Мы начнем с...

— Не надо, — прервал он ее, проходя к своему креслу. Он не сел, а оперся бедром о край стола, скрестив руки на груди. Этот жест был настолько уверенным, что Катя почувствовала себя маленькой и глупой. — Я не хочу, чтобы вы

учили меня говорить.

Катя растерянно моргнула. Она открыла рот, чтобы задать вопрос, но он жестом остановил ее.

— Я хочу, чтобы вы научили меня не просто говорить, — продолжил он, и в его темных глазах мелькнул какой-то опасный огонек. — Я хочу, чтобы вы научили меня звучать. Это разные вещи, не так ли? В суде я могу убедить кого угодно в чем угодно. Я могу манипулировать фактами, я могу играть на эмоциях присяжных. Но это всего лишь... игра.

Он сделал шаг к ней. Его движение было плавным, как у крупного хищника, и у Кати возникло иррациональное желание отступить. Но она заставила себя стоять на месте.

— Вы читали мою речь? — спросил он, останавливаясь в опасной близости.

— Да, Дмитрий Сергеевич, — ответила она, чувствуя запах его парфюма — терпкий, с нотами кожи и дерева. — Она безупречна с точки зрения композиции.

— И скучна, — договорил он за нее. В его голосе проскользнула самокритичная усмешка. — За ней нет жизни. В ней нет того, что заставляет людей забыть о своем недоверии. Я хочу, чтобы вы научили меня дышать в слова.

Он протянул руку и взял с ее плеча невидимую пылинку. Его пальцы на секунду задержались на ткани ее блузки, и по коже Кати пробежал электрический разряд. Она почувствовала, как ее щеки заливают румянец.

— Дышать... в слова, — повторила она, пытаясь вернуть

контроль над ситуацией. — Это... сложная техника. Это требует полной внутренней свободы. Умения снимать зажимы.

— Именно. — Его улыбка стала чуть шире, но осталась опасной, как у волка, который прикидывается другом. — Вы будете моим проводником. Учителем. Я готов платить в два раза больше вашей обычной ставки.

Деньги были последним, о чем она думала в этот момент. Все ее существо кричало об опасности, о том, что этот человек — не просто клиент. Он — вызов. И для нее он был гораздо опаснее, чем она могла себе представить.

— Хорошо, — услышала она свой голос, который звучал хрипло и почти незнакомо. — Мы начнем с дыхательных упражнений. И с умения слышать свой голос со стороны.

Он кивнул, но не отошел. Он смотрел на ее губы, когда она говорила, и этот взгляд был более интимным, чем любое прикосновение.

— Я весь — ваше внимание, Екатерина, — сказал он тихо. — Начнем прямо сейчас. Покажите мне, как вы дышите.

Это была проверка. Она поняла это по тому, как насмешливо блеснули его глаза. Он играл. Он испытывал ее. И Катя, вопреки здравому смыслу, приняла эту игру.

— Дышите со мной, — сказала она, сама не веря своей смелости. — Положите ладонь на живот, вот сюда, — она указала на его пресс, но не осмелилась прикоснуться сама.

Он послушно опустил руку. Глаза его, однако, не отрывались от ее лица.

— Сделайте медленный вдох, — прошептала Катя, чувствуя, как ее собственное сердце начинает биться в бешеном ритме. — Сначала живот. Представьте, что вы наполняете воздухом не легкие, а все свое тело. Вдыхайте... и выдыхайте.

Он сделал вдох. Его грудь поднялась, и Катя заметила, как он повиновался ей, как его тело на мгновение потеряло свою жесткость.

— Не сжимайте горло, — попросила она. — Вы слишком напряжены. В голосе появляется скрежет, когда вы сжимаетесь.

Вместо того чтобы расслабиться, он сделал шаг вперед. Теперь они стояли почти вплотную, на расстоянии одного вдоха.

— А вы? — спросил он, его голос был мягким, как шелк. — Вы ведь тоже сжимаетесь, Екатерина. Прямо сейчас. Ваше тело кричит о защите. Почему?

Катя проглотила комок в горле. Он был слишком близко, он видел ее насквозь, и это было невыносимо.

— Я... здесь преподаватель, — сказала она, но в ее голосе не было убедительности.

— А я здесь ученик, — возразил он, его рука вдруг легла на ее талию. Это прикосновение было легче перышка, но оно обожгло кожу через ткань блузки. — И я хочу быть идеальным учеником. Я хочу, чтобы вы показали мне, что значит... дышать.

Его пальцы сжались чуть сильнее, притягивая ее на миллиметр ближе. Катя ощутила жар его тела, вибрацию его голоса, который проникал в самую глубину ее существа.

— Неправильно, — прошептала она, но ее руки сами легли ему на грудь, пытаясь оттолкнуть, но на самом деле просто касаясь жесткой ткани его пиджака. — Учитель должен сохранять дистанцию.

— Почему? — спросил он, склоняя голову к ее уху. Его дыхание коснулось ее шеи, и Катя почувствовала, как каждая клеточка ее тела покрывается мурашками. — Все лучшие уроки — те, где границы стерты. Где нет места страху. Вы боитесь меня?

— Да, — выдохнула она честно, чувствуя себя обнаженной.

— Хорошо, — прошептал он, и в этом слове послышалась победа. — Это начало. Это тот самый страх, который делает голос живым.

Он чуть отстранился, и Катя, сама того не желая, вздохнула с облегчением и разочарованием одновременно. Его рука упала с ее талии.

— Продолжим, — сказал он уже другим, деловым тоном, словно ничего не произошло. — Я жду вас завтра. В это же время. Мы будем изучать... резонанс.

Он развернулся и направился к своему столу, давая ей понять, что аудиенция окончена. Катя стояла, чувствуя, как дрожат колени. Она смотрела на его широкую спину и пони-

мала, что только что проиграла первый бой.

Но она также понимала, что теперь не сможет остановиться. Этот урок был только началом. И каким бы опасным ни был этот ученик, она хотела узнать, чему он сможет научить ее саму.

Глава 2. Резонанс

Ночь после первой встречи показалась Екатерине бесконечной. Она лежала на своей узкой кровати в съёмной квартире, где пахло старыми книгами и сухими травами, и пыталась убедить себя, что всё произошедшее — обычная рабочая ситуация. Клиент с завышенными ожиданиями. Экцентричный адвокат, который путает психотерапию с курсами ораторского искусства. Ничего личного, ничего опасного.

Но её тело не желало слушаться голоса разума. Каждая клетка помнила его пальцы на своей талии, тяжесть его взгляда, обжигающее дыхание у шеи. Она переворачивалась с боку на бок, сбрасывала одеяло и снова натягивала его до подбородка. Ладонь сама собой скользила по животу, повторяя траекторию его воображаемого прикосновения, и она ловила себя на том, что задерживает дыхание, пытаясь воспроизвести тот самый электрический разряд, что пробежал по коже в его кабинете.

«Ты — преподаватель, — твердила она себе. — Ты должна быть профессионалом. Он просто использует свою харизму, чтобы проверить тебя на прочность. Это игра. Не поддавайся».

Но когда она закрывала глаза, видела его лицо: чёткие скулы, тень щетины, и эти глаза — бездонные, чёрные, как смоль, в которых горел холодный огонь. Он не был кра-

савцем в классическом смысле. В нём было что-то тёмное, почти звериное, что пугало и одновременно притягивало с невероятной силой. Екатерина вспоминала его запах — древесный, терпкий, с горьковатым оттенком мужского пота и дорогого парфюма, — и чувствовала, как внутри разливается тягучее, запретное тепло.

К утру она выглядела так, словно не спала неделю: серые круги под глазами, бледная кожа, растрёпанные волосы. Она тщательно, с особым пристрастием, собиралась на второе занятие. Длинная, до щиколоток, тёмно-зелёная юбка, строгая белая блуза с высоким воротником, волосы убраны в тугой пучок — броня, в которой она чувствовала себя неуязвимой. Сегодня она не даст ему себя сбить с толку. Сегодня она будет учителем.

Её встретил его помощник — молодой человек с невыразительным лицом, который проводил её в тот же самый кабинет. Дмитрий стоял у панорамного окна, держа в руке бокал с водой, и смотрел на город. При её появлении он обернулся, и его глаза снова скользнули по ней — от туфель до макушки, медленно и с явным удовольствием. Катя почувствовала, как её профессиональная броня даёт трещину.

— Екатерина, — произнёс он с лёгкой улыбкой, которая не коснулась глаз. — Вы выглядите... свежей. Или я должен сказать «выспавшейся»? Нет, не выспавшейся. — Он наклонил голову, рассматривая её. — Вы выглядите так, будто всю ночь думали о нашем занятии.

— Я готовилась, — сухо ответила она, проходя к небольшому столику, на котором лежали принесённые ею распечатки. — Сегодня мы работаем над резонансом. Это звуковой феномен, когда голос находит опору в грудной клетке и в голове. Без резонанса речь плоская, даже если она логически безупречна.

Он внимательно слушал, но подошёл не к столу, а к ней. Вновь нарушил дистанцию. Катя заставила себя не отступать. Она видела, как под его пиджаком играют мышцы плеч, как его грудь поднимается и опускается в ровном, глубоком ритме. Он дышал так, как она учила его вчера.

— Хорошо, — сказал он. — Покажите. Как я должен чувствовать этот резонанс?

— Положите ладони на грудь, — сказала она, стараясь говорить чётко, без дрожи. — Чуть ниже ключиц. Произнесите длинный гласный звук. «А-а-а-а».

Он положил руки на грудь, но смотрел при этом на неё. Его глаза плясали. Он затянул звук — низкий, вибрирующий, полный силы. Катя на миг забыла, что должна оценивать технику. Этот голос проникал в неё, отдавался в позвоночнике, внизу живота.

— Чувствуете вибрацию? — спросила она, прочищая горло.

— Чувствую, — ответил он, опуская руки. — Но она слишком поверхностная. Мне кажется, я могу идти глубже. — Он вдруг шагнул к ней и взял её за запястье. — Вы поз-

волите?

Она не успела ответить. Он приложил её ладонь к своей груди, прямо к сердцу. Ткань его рубашки была тёплой, под ней чувствовался ритмичный, мощный стук сердца — спокойный, уверенный, как у человека, которому нечего бояться.

— Здесь, — сказал он, прикрывая её руку своей. — Вибрация от этого звука. Я хочу, чтобы вы научили меня чувствовать её всем телом.

Катя сглотнула. Её рука лежала на нём, она ощущала жар его тела, биение его пульса, и этот пульс, казалось, начинал биться в такт её собственному, только многократно усиленному. Она попыталась отнять руку, но он не отпускал.

— Дмитрий Сергеевич, — прошептала она. — Это... это не часть упражнения.

— А что есть часть упражнения? — спросил он, приближая своё лицо к её. — Слова? Схемы? Или ощущения? Разве риторика не учит воздействовать на чувства слушателя? Как я могу воздействовать на чувства, если я сам не понимаю, что значит чувствовать?

Его пальцы сжали её запястье чуть сильнее, и он медленно провёл её ладонью вниз, по своей груди, по прессу, который был твёрдым и рельефным даже под тканью. Катя слышала, как стучит её собственное сердце — это был предательский барабанный бой, который разносился по всей комнате.

— Вы боитесь собственных ощущений, — произнёс он

почти шёпотом. — Это ваш главный зажим. Вы пришли учить меня свободе, но сами закованы в цепи.

— Я не... — попыталась возразить она, но он перебил её.

— Тогда докажите, — сказал он и отпустил её руку.

На мгновение она почувствовала пустоту, но следующую секунду он взял её лицо в свои ладони — аккуратно, почти нежно, но с такой властью, что она забыла, как дышать. Его большие пальцы легли на её скулы, чуть приподнимая голову.

— Вдохните, — приказал он. — Глубоко. Как вчера. Я хочу слышать, как вы дышите.

Она повиновалась, потому что не могла не повиноваться. Её грудь поднялась, и она закрыла глаза, чувствуя себя одновременно уничтоженной и возрождённой. Она вдохнула запах его кожи, терпкий и тёплый, и задержала дыхание, боясь выпустить этот воздух обратно.

— А теперь произнесите моё имя, — велел он. — Не «Дмитрий Сергеевич». Просто. Моё. Имя.

Катя открыла глаза. Его зрачки расширились, в них плясали искорки. Она облизнула пересохшие губы.

— Дима, — выдохнула она.

Звук вышел низким, вибрирующим, совсем не похожим на её обычный голос. Он проскользнул между ними, как живое существо, и она увидела, как что-то дрогнуло в его лице. На миг его самообладание дало трещину, и он посмотрел на неё так, будто она сделала нечто большее, чем просто про-

изнесла имя.

— Вот, — прошептал он. — Вот так. Этот звук. Он идёт из самого низа. Вы чувствуете, Екатерина? Вы чувствуете, как он отдаётся в вас?

Она чувствовала. Этот звук, её собственный голос, словно вернулся к ней эхом, прошёл по позвоночнику, собрался в клубок внизу живота и разлился жаром. Между ног стало влажно, и она чуть сжала бёдра, надеясь, что он не заметит.

Но он замечал всё.

Его руки всё ещё держали её лицо, и он наклонился ближе, так что его губы почти касались её губ. Дыхание смешалось, и она чувствовала, как он вдыхает тот самый воздух, который только что выдохнула она. Это было настолько интимно, что у неё закружилась голова.

— Настоящий резонанс, — прошептал он, — рождается не в груди и не в голове. Он рождается там, где страх превращается в желание. Там, где начинается жизнь.

Он отстранился так же внезапно, как и приблизился. Катя покачнулась, и ей пришлось опереться рукой о край стола, чтобы не упасть. Он смотрел на неё свысока, и в его взгляде читалось удовлетворение хищника, который поймал свою добычу.

— На сегодня достаточно, — сказал он, и его голос снова стал деловым, холодным, как сталь. — Мы продолжим завтра. Я хочу, чтобы вы пришли без блокнотов. Без планов. Только вы, я и ваше дыхание.

Она хотела возразить, сказать, что это непрофессионально, что она не может так работать, что у неё есть методика, правила, принципы. Но слова застряли в горле, потому что она понимала: она не хочет возражать. Она хочет вернуться. Она хочет снова чувствовать его пальцы на своей коже, слышать его голос, который проникает в самое сокровенное.

Она молча кивнула, собрала свои распечатки, которые негодились, и, не оглядываясь, вышла.

В лифте, падая вниз, она прислонилась к холодной зеркальной стене и закрыла глаза. Рука сама собой легла на грудь, туда, где её сердце колотилось как бешеное. Она вспоминала его прикосновение, его запах, его взгляд. Она чувствовала, как низ живота пульсирует, как влага пропитывает ткань трусиков, и это было оскорбительно, стыдно и невероятно сладко.

«Ты учитель, — шептала она себе. — Ты должна его чему-то учить. Но почему тогда ты чувствуешь, что это он учит тебя?»

Она вышла из здания и вдохнула прохладный вечерний воздух. Голова кружилась, в ушах всё ещё звучал её собственный голос, произносящий его имя. «Дима». Простое, короткое слово, но как много оно значило.

Она понимала, что продолжает падать в какую-то пропасть, и что этот мужчина — не просто ученик. Он — зеркало, в котором она видит свои собственные запретные желания. И чем дальше она идёт по этому пути, тем труднее

будет остановиться.

Но она не остановится. Потому что, когда он смотрел на неё, она впервые за долгие годы чувствовала себя живой. По-настоящему живой.

Глава 3. Точка опоры

Следующие сутки Екатерина прожила в состоянии, которое можно было бы назвать лихорадочным забытьём. Она отменила все свои вечерние встречи, не отвечала на сообщения подруг и сидела в своей маленькой кухне, глядя на чашку остывшего чая, в которой отражалась её собственная растерянная физиономия. Она пыталась анализировать, раскладывать по полочкам, но всё разбивалось о стену телесных воспоминаний: тяжесть его ладоней, шепот у самого уха, то, как он смотрел на неё, когда она произнесла его имя. Это имя отдавалось в груди колоколом, и каждый раз, когда она мысленно повторяла его, по телу пробегала судорога томления.

Катя была женщиной привычки и порядка. Она выросла в семье библиотекарей, где книги были единственным окном в мир страстей, но сами страсти тщательно выносились за скобки повседневности. Её жизнь была расписана по часам: лекции, проверки студенческих работ, редкие встречи с такими же, как она, интеллектуалами, где говорили о высоком и избегали низкого. Она научилась прятать свою чувственность в томиках Бродского и Цветаевой, заменять реальные прикосновения метафорами и образами. И вот теперь явился этот мужчина, который не читал книг, но читал её саму, как открытую рукопись, и находил в ней такие строки, о су-

ществовании которых она и не подозревала.

Она пришла на третий урок без блокнотов, без распечаток, как он и просил. Только она сама, её дрожащее дыхание и дикая, необъяснимая смелость, которая толкала её в самое сердце огня. Она выбрала одежду, которая была необычна для неё: тёмно-синее платье до колен, не слишком облегающее, но из мягкого, струящегося шёлка, который при каждом движении ласкал кожу. Волосы она распустила, позволив им падать на плечи тяжёлыми каштановыми волнами. Когда она взглянула на себя в зеркало, она увидела не ту Екатерину, строгую преподавательницу, а ту, что таилась глубоко внутри, — женщину, готовую к открытию.

Дмитрий ждал её не в своём кабинете. Его помощник провёл её в соседнюю комнату, которую она раньше не видела. Это был просторный зал с высокими потолками и паркетным полом, какие-то мягкие кресла по периметру, и — самое неожиданное — огромное зеркало во всю стену, в котором они отражались вдвоём. Он стоял у этого зеркала, прислонившись к нему плечом, в простой чёрной футболке, которая открывала его мощные предплечья, и в брюках, которые сидели на нём безупречно. Ни галстука, ни пиджака — он казался более доступным и оттого ещё более опасным.

— Сегодня мы не будем говорить о голосе, — сказал он, едва она перешагнула порог. — Точнее, будем, но иначе. Я хочу, чтобы вы поняли, откуда берётся власть в голосе.

Катя остановилась, чувствуя на себе его взгляд, который

уже прошёлся по ней, оценивая каждую деталь — как она стоит, как дышит, как её пальцы сжимают сумочку. Она заметила одобрителный огонёк, мелькнувший в глубине его глаз, и от этого внутри что-то перевернулось.

— И откуда же? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он оттолкнулся от зеркала и подошёл к ней. Теперь, без пиджака, она видела, как его бицепсы напрягаются при каждом движении, как на предплечьях выступают вены. Он остановился в двух шагах, не касаясь, но заполняя собой всё пространство.

— Из тела, — ответил он. — Из земли. Из ощущения, что вы имеете право занимать любое место, которое вам нравится. Вы когда-нибудь чувствовали свою власть, Екатерина?

Она хотела сказать, что чувствует власть в своём знании, в своей профессии, но слова застряли. Потому что она знала, что он говорит о другом. О власти, которая рождается не в голове, а внизу живота, в изгибе спины, в том, как женщина может притягивать и отталкивать одним только взглядом.

— Я... не уверена, — честно призналась она.

— Значит, мы будем учиться, — сказал он. — Встаньте прямо. Ноги на ширине плеч. Не бойтесь, я не укушу. — Он усмехнулся, и в этой усмешке было что-то дьявольское, но притягательное.

Катя послушно встала, расставив ноги. Она чувствовала себя неуклюже, как новобранец на плацу.

— Смотрите на меня, — приказал он, становясь напротив неё на расстоянии вытянутой руки. — Теперь делайте то же, что и я.

Он положил свою ладонь ей на плечо — левое, затем медленно провёл вниз по руке, до самого запястья, и сжал её пальцы. Его прикосновение было тёплым, уверенным, и Катя почувствовала, как по коже побежали мурашки.

— Ваша рука должна быть тяжёлой, — сказал он, держа её пальцы в своей ладони. — Не напряжённой, а именно тяжёлой. Представьте, что она налита свинцом. Чувствуете?

Она попыталась расслабить мышцы, позволить руке обмякнуть в его хватке, и вдруг почувствовала странное тепло, которое поднималось от его пальцев вверх по её предплечью, к плечу, затем в грудь. Она перевела взгляд с их соединённых рук в зеркало и увидела себя — распущенные волосы, покрасневшие щеки, приоткрытый рот. И его — стоящего за её спиной, почти обнимающего её, хотя он лишь держал её за руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.